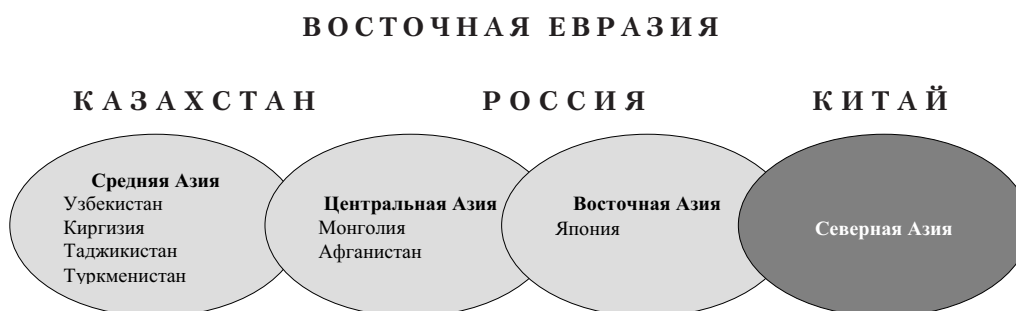


американских политологов), противостоящего интересам России и Китая в регионе. Распределение субрегионов в Восточной Евразии и геополитическое окружение России в юго-восточном секторе Евразии может быть представлено следующим образом:



Таким образом, перспективы обеспечения коллективной безопасности и тесного сотрудничества государств — членов ШОС определяются продолжительным (порядка полутора тысячи лет) взаимодействием евразийских цивилизаций на хозяйственном, этническом, социокультурном, политическом, генеалогическом уровнях.

Рукопись поступила в редакцию 26 марта 2010 г.

УДК 327.7 + 327.57 + 341.231.12 + 341.382

Е. Б. Арсланова

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проанализирована Шанхайская организация сотрудничества с точки зрения теории комплекса региональной безопасности Б. Бузана и О. Уэйвера. Методологической основой стала «матрица анализа» комплекса региональной безопасности. Анализ условий формирования интеграционных процессов в рамках ШОС осуществляется через призму внутривнутриполитических процессов и межгосударственных отношений государств — членов ШОС. Главной проблемой развития интеграционных процессов данного комплекса региональной безопасности является отсутствие идентичности и разнонаправленность интересов стран — членов ШОС.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ШОС, Центральная Азия, комплекс региональной безопасности, интеграция.

Перспективы регионального сотрудничества в рамках «Шанхайской пятёрки», а затем Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) получили достаточно противоречивую оценку в работах отечественных и зарубежных исследователей.

© Арсланова Е. Б., 2010

дователей. Это вызвано рядом объективных обстоятельств. Остановимся на двух из них. Во-первых, процесс формирования структур региональной безопасности на постсоветском пространстве, начавшийся в 1990-е гг., не завершен и его контуры только начинают прорисовываться. Во-вторых, уже сейчас можно отметить, что речь идет о «неклассической» международной организации, формирование которой происходит на разных ценностных основаниях ее участников, что является нетипичным для современных региональных процессов. Согласно распространенным методологическим подходам к изучению региональных организаций, для того чтобы приобрести устойчивое развитие, создаваемая организация должна обладать рядом ценностных признаков, среди которых важное место отводится разделяемой всеми сторонами общей идентичности.

В данной статье ставятся следующие задачи: проанализировать ценностные основания практических целей, к которым стремятся участники ШОС; выявить эффективность разработанных и используемых отечественных и зарубежных методологических подходов к исследованию региональных процессов; попытаться спрогнозировать перспективы создаваемой региональной организации.

Шанхайская организация сотрудничества, как отмечается в Совместной декларации России и Китая, подписанной в Пекине 2 декабря 2002 г., «становится важным фактором поддержания мира, безопасности и стабильности в регионе, одним из опорных элементов конструкции многополярного мира» [7]. С нашей точки зрения, анализ деятельности и эффективности ШОС должен быть сфокусирован на региональном уровне, поскольку именно специфика региона поставила перед образовавшейся Шанхайской организацией задачи борьбы с «тремя силами зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), а также с распространением наркотиков, оружия, против трансграничной преступности, задачи в области охраны окружающей среды, продовольственной безопасности и социально-экономического развития.

Все это формирует региональный комплекс безопасности. Остается открытым вопрос о том, достаточными ли являются поставленные цели для формирования устойчивой региональной организации или стороны будут в процессе практической реализации форм сотрудничества стремиться к их расширению и к качественным изменениям? Как отразится на будущем региональной организации динамика отношений между главными акторами шанхайского процесса Россией и Китаем?

Теория комплексов региональной безопасности впервые была представлена Копенгагенской школой изучения вопросов безопасности, родоначальниками которой являются Б. Бузан и О. Уэйвер [14, 3–37; 15, 14–16]. В своих исследованиях они предприняли попытку дать определение «комплексу региональной безопасности», его структуре, динамике развития и трансформации подходов национальной и глобальной безопасности в региональную плоскость, поскольку именно регион является тем местом, где две сферы безопасности (национальной и глобальной) взаимодействуют и где основные события и действия происходят. Данная теория не является бесспорной, однако она позволяет

анализировать региональную динамику и построение комплекса глобальной безопасности через призму региона.

В середине 1990-х гг. представители Копенгагенской школы в той или иной степени применяли теорию регионального комплекса безопасности относительно государств постсоветского пространства и, в частности, в отношении стран Центральной Азии.

Комплекс региональной безопасности (Regional Security Complex), с точки зрения Б. Бузана, может быть представлен любой группой государств [15, 14]. Регион в данном контексте определяется как образование из двух и более государств. Эти государства составляют географическую группу, их взаимоотношения отмечены взаимным интересом в области безопасности и являются более тесными в рамках данного региона, чем за его пределами. Взаимодействие данных государств в области безопасности должно быть интенсивным и длительным [18, 15]. Другим важным аспектом теории является принципиально новое переосмысление понятия «безопасность». Понятие «секьютиризация» более широко по объему, чем традиционное понятие безопасности. Секьютиризация — это результат действия различных акторов, таких, как индивид, политические элиты, негосударственные игроки. Кроме того, проблема, которая изначально не касалась проблемы безопасности, в какой-то момент может перейти в плоскость безопасности. Рассмотрение существования регионального комплекса проходит через призму безопасности, которая включает пять секторов: военный, политический, экономический, социальный, окружающую среду [Там же].

Комплексы могут быть гомогенными и гетерогенными (неоднородные участники комплекса — государства, нации, фирмы) [15, 16]. В центре анализа находится государство.

В своем размышлении о тех или иных региональных секторах безопасности Б. Бузан основывается на определенной классификации государств, которая учитывает уровень внутреннего развития государств (премодерн, модерн, постмодерн) [14, 23–25]. Роль внутренних и внешних факторов развития региона, динамика региональной безопасности были проанализированы на примере центральноазиатских государств Л. Джонсоном, последователем Бузана, в работе «Безопасность Центральной Азии: новый международный контекст» [16, 9–10]. Главное достоинство данного подхода — определить рамки сравнительного анализа вопросов региональной безопасности.

Под углом зрения теории комплексов региональной безопасности Шанхайская организация сотрудничества имеет различное толкование: в одних исследованиях она является составной частью Евразийского комплекса безопасности, включающего государства бывшего СССР [18, 2–3], в других ШОС называют макрорегиональным комплексом безопасности, включившем в себя субкомплекс — Центральную Азию [12, 478]. Большинство зарубежных сторонников теории комплексов региональной безопасности рассматривают ШОС как малоэффективную структуру сотрудничества в области безопасности [16, 21–22; 19, 12–14].

Вместе с тем ни у кого не вызывает сомнения, что ШОС является одним из вариантов комплекса региональной безопасности, в рамках которого может

развиваться серьезное сотрудничество как в сфере безопасности, так и в других областях. Таким образом, ШОС — это комплекс региональной безопасности, в который входят шесть государств — Россия, Китай, четыре государства Центральной Азии (Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан) и группа государств в статусе наблюдателей — Индия, Иран, Монголия, Пакистан. Как структура он имеет сильные и слабые (проблемные) зоны.

Б. Бузан предлагает «матрицу анализа» комплекса региональной безопасности, основанную на четырех уровнях взаимодействия: внутривластная составляющая государств региона; межгосударственные отношения в регионе (state-to-state); взаимоотношения регионального комплекса безопасности с другими регионами; роль великих держав в регионе [14, 51].

Рассмотрим ШОС как комплекс региональной безопасности с точки зрения первых двух уровней взаимодействия, а также основные противоречия в рамках данного комплекса.

Внутривластная составляющая ШОС как регионального комплекса безопасности — одна из главных и определяющих для понимания проблем регионального комплекса безопасности в целом. Государства, входящие в ШОС, представляют собой две группы государств по уровню и возможностям интеграции в среду безопасности — «слабые» и «сильные» государства [19, 4–11]. В соответствии с классификацией Б. Бузана Китай и Россия представляют собой государства на стадии «модерн», активно участвующие на данном этапе в глобализирующихся процессах и старающиеся не отставать от государств постмодерна, инициаторов этих процессов [14, 23–25].

Государства Центральной Азии являются государствами уровня «премодерн», т. е. государствами, вставшими на путь «демократического транзита», но еще недостаточно консолидировавшимися в этом направлении. Если государства «модерна» предпочитают участвовать в глобальных международных процессах, то государства «премодерна» рассматривают глобализацию как угрозу. Страх оказаться государствами «второго сорта» или выпасть из общего контекста международной безопасности диктует тип поведения в интеграционных процессах, который можно определить как «балансирование между великими державами».

Отдельного рассмотрения требует внутривластная ситуация в странах Центральной Азии. В начале 1990-х гг. независимость центральноазиатских республик дала этим государствам возможность самостоятельно определять свой собственный комплекс безопасности.

Л. Джонсон и Р. Аллисон проанализировали роль внутренних и внешних факторов развития региона, динамику региональной безопасности, региональные структуры и управление безопасностью в Центральной Азии [16, 9–10; 12, 481]. Попытки государств Центральной Азии создать свою собственную систему сотрудничества в области безопасности не увенчались успехом в силу особой внутривластной ситуации в рамках данного географического комплекса, который, по мнению некоторых авторов, включает Афганистан [13, 115].

Основным проблемным блоком внутривластной нестабильности является резкая активизация деятельности радикальных мусульманских организаций,

а также различного рода военизированных групп, представляющая угрозу стабильности внутривнутриполитических режимов. Война в Таджикистане (1992–1997); вторжение исламистов в Киргизию в 2005 г., столкновения в Сурхандарьинской области Узбекистана, деятельность Исламского движения Узбекистана характеризуют Центральную Азию как крайне нестабильный регион.

По мнению некоторых российских экспертов, рост влияния экстремистских организаций в Центральной Азии является следствием значительного ухудшения социально-экономической обстановки в странах этого региона [5, 120]. Разногласия и дух соперничества в регионе так и не позволили создать свою собственную систему региональной безопасности, хотя интерес к возникновению подобной структуры имел место. В 1998 г. была создана организация «Центрально-Азиатское экономическое сотрудничество», а в 2001 г. — «Организация центральноазиатского сотрудничества». Деятельность этих структур носит декларативный характер, они оказываются не способными к решению вопросов безопасности.

В целом государства Центральной Азии можно определить как «слабый суб-комплекс, центрированный на России в рамках большого комплекса безопасности» [12, 481]. Неспособность решать собственные экономические и политические проблемы вызывает необходимость участвовать в двусторонних и многосторонних соглашениях. В ШОС участвуют только четыре государства Центральной Азии, Туркмения в многосторонних соглашениях не участвует.

Межгосударственные отношения стран ШОС достигли достаточно высокого уровня *институционализации*. В структуре ШОС созданы следующие институты для координации усилий в сфере безопасности и развития: Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совещание руководителей отраслевых ведомств государств-членов, Совет национальных координаторов. Создана и приступила к работе Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС с исполнительным комитетом, размещенным в Ташкенте (Узбекистан). В РАТС ШОС создан механизм совещаний секретарей Советов безопасности государств-членов. Принят ряд основополагающих документов по регулированию вопросов безопасности в регионе, проводятся совместные военные учения стран-участниц. Таким образом, поставив во главу угла борьбу с «тремя силами зла», организация оформилась в структурных и правовых формах. Однако существующий уровень межгосударственного взаимодействия как в экономической, так и в военной сферах недостаточен. Говорить о реальной интеграции в сфере общей политики и политики безопасности пока рано. Двусторонние договоренности превалируют над совместными проектами. Практическое сотрудничество, где участвовали все страны ШОС, реализовалось в ходе совместных учений в 2007–2008 гг.

Причины и проблемы формирования институциональной интеграции можно проследить на таких четырех уровнях, как способность государства участвовать или не участвовать в интеграционных процессах; интересы государств к участию в них; общая идентичность в сфере региональной безопасности; культурная легитимность [17, 142].

Как правило, выделяются четыре типа взаимоотношений внутри Шанхайского комплекса безопасности: 1) между странами Центральной Азии; 2) между Китаем и Россией; 3) между членами ШОС и 4) между странами-наблюдателями. Такое многоуровневое взаимодействие между государствами ШОС усложняет анализ ситуации, поэтому в данной работе рассмотрению подлежат первые три уровня взаимоотношений.

Сотрудничество государств Центрально-Азиатского региона происходит по целому комплексу межгосударственных проблем и противоречий: экологических, гуманитарных, пограничных, территориальных. К их числу относятся разногласия по вопросу совместной эксплуатации гидросооружений между Киргизией, Узбекистаном и Туркменией. Использование водных ресурсов составляет узел проблем во взаимоотношениях Узбекистана и Туркмении. Среди других сложных проблем взаимоотношений можно выделить увеличение численности населения в условиях ограниченного жизненного пространства (Таджикистан, Ферганская долина), пограничные споры на границе Киргизии с Таджикистаном, узбекско-казахскую пограничную проблему, конфликт в Ферганской долине. Самостоятельно каждое государство в отдельности не способно решить стоящие перед ним проблемы. Участие в ШОС и ОДКБ входит в сферу интересов государств Центральной Азии [5, 197–201].

Интерес Китая к выстраиванию сотрудничества в Центральной Азии выражается в усилении его экономического и военного присутствия в регионе. В начале 2005 г. Пекин пытался выяснить возможность создания в Киргизии собственной военной базы, однако, получив отрицательный сигнал от остальных участников ШОС, отказался от этой идеи [2, 226]. Обострившаяся проблема уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе привела к разворачиванию Китая в сторону Центральной Азии. На современном этапе Китай осуществляет больше экономическую интеграцию в регионе, чем военную или в сфере безопасности.

Россия считает Центрально-Азиатский регион зоной своих собственных интересов. Москва исторически, на протяжении нескольких веков, связана культурными и экономическими узами с этими территориями, многое сделала для их освоения, а в последние время и для становления независимых государств [6, 187]. Активизация экстремистских движений в Российской Федерации, сепаратистского движения в Чечне, поддерживаемого исламистскими группировками извне, а также стремление к обеспечению собственных национальных интересов диктуют России необходимость участия в региональных комплексах безопасности, таких как ОДКБ и ШОС.

Блок взаимоотношений РФ — Китай выявляет не только совпадение подходов к происходящему в регионе, но и определенное различие во взглядах. В России и Китае существуют разные подходы к размещению американской военной базы «Манас» в Киргизии. Китайская сторона не настаивает на выводе американской военной базы. Сам Китай последовательно наращивает свою активность в Центрально-Азиатском регионе, его финансово-экономические возможности намного превышают российские [6, 187]. С другой стороны, Китай настороженно следит за усилением роли ОДКБ и сотрудничеством ОДКБ — ШОС в регионе.

Угроза воинствующего радикализма и международного терроризма в Центральной Азии, по мнению экспертов, требует координации действий всех стран — участниц ШОС [5, 122].

Формирование Шанхайской *идентичности* является сложным и противоречивым процессом. К примеру, формирование европейской идентичности происходило в едином ценностном пространстве и позволило даже интегрировать государства Восточной Европы. Шанхайские культурные ценности создаются на базе трех разных культур: центральноазиатской, российской и китайской.

Как политическая культура, так и сама по себе политическая система стран Центральной Азии находятся в процессе формирования. В Центральной Азии в разной пропорции сочетаются «реанимированный традиционный уклад, отдельные рудименты советских социальных и политических практик, кланово-клиентальные сети доверия, воздействие внешних центров» [1, 160]. Демократический транзит в регионе кажется практически нереализуемым. Демократические институты функционируют почти исключительно как фасадные конструкции. Они обеспечивают центральноазиатским государствам временное «прикрытие по периметру», внутри которого идет поиск аутентичного синтеза (своего для каждой страны) [1, 160].

Более того, сама Российская Федерация находится в поиске ценностной системы, которая на данном этапе характеризуется «реабилитацией советского прошлого» [Там же, 160–161].

Ценностная картина Китая также в процессе трансформации. Поиск новой стратегии развития китайского общества в условиях глобализации происходит путем соединения конфуцианского традиционализма с реалиями XXI в., что способствует возникновению этических основ системы управления, соответствующей рыночной экономике. Переосмысление конфуцианства осуществляется с целью создания этической системы, соответствующей социалистической рыночной экономике, и ее прагматического использования в процессе управления государством [10, 10–12]. Многообразие культур и ценностных систем стран — участниц ШОС формирует новый (межцивилизационный) подход к региональным объединениям, а также требует нового идеологического обоснования «идентичности ШОС».

Выражение «дух Шанхая» стало структурообразующим понятием в ШОС. Как говорится в Совместном заявлении по итогам 1-й встречи руководителей парламентов государств — членов ШОС, состоявшейся в Москве 30 мая 2006 г., «со времени своего создания ШОС, благодаря неуклонному следованию “шанхайскому духу”, главным содержанием которого являются взаимное доверие и выгода, равноправие, взаимные консультации, уважение многообразия культур и цивилизаций, стремление к совместному развитию, добилась впечатляющих результатов» [8]. Таким образом, стороны объявили о формировании идентичности ШОС, базирующейся на «шанхайских ценностях сотрудничества», которые постепенно складываются в ходе практического опыта сотрудничества.

Практические мероприятия являются важным инструментом в складывании общих подходов к вопросам безопасности. Практическая составляющая безопасности ШОС включают совместные антитеррористические учения, об-

мен информацией и опытом борьбы с наркотрафиком, координацию в подготовке военных кадров. Таким образом, с одной стороны, «Шанхайский дух» сотрудничества является попыткой искусственного соединения несоединимых вещей, с другой — опыт практического сотрудничества государств-членов открывает возможность соединения усилий государств с разными культурными основами.

Анализ двух уровней жизнедеятельности ШОС как комплекса региональной безопасности позволяет выделить следующие проблемные зоны (противоречия), задающие основной фон для межрегионального и глобального уровней взаимодействия региона.

Первое проблемное поле — асимметрия членства ШОС, представленная «слабыми государствами» Центральной Азии и «сильными государствами» (Россия и Китай), — показывает разнонаправленность интересов государств-участников, а также разную степень возможности участвовать в региональных процессах. Россия и Китай, как государства в военной и экономической сфере более сильные, чем центральноазиатские партнеры, зачастую рассматриваются как единственные игроки, получающие выгоду от сотрудничества в ШОС.

Вторая проблема — формирование идентичности ШОС. В мае 2006 г. ШОС была названа «единственной межцивилизационной организацией регионального типа» [8]. Поиск и продолжающееся формирование общей шанхайской идентичности могут оказаться сложными процессами, поэтому главным образом сотрудничество государств в ШОС базируется на взаимовыгодном интересе всех участников.

Третья проблемная зона — это субкомплекс региональной безопасности Центральной Азии, внутренние связи которого более тесные, чем в рамках ШОС. Этот комплекс региональной безопасности, имеющий свою собственную динамику развития и круг проблем, продолжает позиционировать себя как самостоятельный игрок на глобальном уровне. Государства Центральной Азии в разной степени проводят многовекторную политику, ориентированную на сотрудничество с наибольшим количеством партнеров. Наличие абсолютно разновекторных интересов приводит к участию стран Центральной Азии в интеграционных структурах в четырех направлениях: РФ, Китай и Восточная Азия, исламский мир, США и ЕС.

Асимметрия отношений между странами ШОС, отсутствие общей ценностной системы государств — членов ШОС, позиционирование Центральной Азии как самостоятельного игрока не позволяют ШОС полноценно функционировать на региональном и глобальном уровнях.

Четвертая проблемная зона — институционализация межрегионального уровня взаимоотношений стран — участниц ШОС, которая главным образом осуществляется на основании подписанных меморандумов и деклараций. Подписаны декларации о сотрудничестве с ОБСЕ, существует координация усилий с ЕврАзЭС и ОДКБ [3, 105–108]. В апреле 2005 г. были подписаны меморандумы о взаимопонимании между ШОС и АСЕАН; в январе 2008 г. — Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Секретариатом Экономической и социальной комиссиями ООН для Азии и Тихого океана

(ЭСКАТО) [4]. Подписанные документы позволяют позиционировать ШОС как действующую региональную структуру, однако практика межрегионального сотрудничества находится на начальной стадии.

И наконец, на глобальном уровне ШОС не имеет официальных документов, регулирующих ее отношения с другими региональными организациями — НАТО и ЕС. В первую очередь это связано с тем, что входящие в них великие державы предпочитают прямые переговоры с центральноазиатскими странами ШОС. После терактов 11 сентября 2001 г. США активизировали свою политику в регионе, подписав двусторонние соглашения по антитеррористической деятельности со всеми государствами Центральной Азии. В Узбекистане и Киргизстане были размещены американские военные базы для борьбы с терроризмом.

Энергетическая политика стран ЕС сосредоточена вокруг смежного с Центральной Азией Прикаспийского региона. Присутствие европейских компаний в энергетическом секторе стран Центральной Азии в первую очередь объясняется инвестиционными возможностями крупнейших стран ЕС. Конкретным воплощением экономической политики ЕС стали программы ИНОГЕЙТ (создание интегрированной системы коммуникаций по перекачке нефти и газа в Европу) и ТРАСЕКА (Транспортный коридор Европа — Кавказ — Центральная Азия) [9].

Подводя итоги, можно отметить, что Шанхайская организация сотрудничества — региональный комплекс безопасности с интеррегиональной структурой, не имеющей аналога в современных интеграционных процессах, включающей страны постсоветского пространства, Юго-Восточного региона и Ближнего Востока. Цели и задачи, решаемые в рамках ШОС, являются значимыми для региональной и глобальной безопасности. Однако проблемы, существующие внутри этого комплекса региональной безопасности, создают реальные трудности на пути интеграции и продолжают находиться в поле постоянного изучения отечественных и зарубежных аналитиков.

1. *Каспэ С.* Постсоветские нации в саду расходящихся тропок // Россия в глобальной политике. 2009. № 6. С. 154–163.

2. *Мухеев В.* Китай: глобализация проблем развития // Год планеты: ежегодник. Экономика, политика, безопасность. М., 2007.

3. *Никитина Ю. А.* ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М., 2009.

4. О развитии контактов ШОС с международными организациями в 2007–2008 гг. URL: <http://www.sectesco.org/RU/show.asp?id=256>

5. Региональная безопасность: геополитические и геоэкономические аспекты (теория и практика) : моногр. / под общ. ред. А. В. Возженникова. М., 2006.

6. Россия и Китай: взгляд на ШОС // Россия в глобальной политике. 2009. № 4. С. 186–189.

7. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 2 декабря 2002 г. Китай, Пекин. URL: <http://russia.org.cn/rus/?SID=50&ID=140>

8. Совместное заявление участников первой встречи руководителей парламентов государств — членов ШОС. URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2006-05/31/context_2240533.htm

9. Уразов А. М. Политика ЕС в странах Центральной Азии. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?stz1159301820>
10. Феоктистов В. М. Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13, Чита, 2007. 137 с. РГБ ОД, 61:07-9/400.
11. Хайюнь В. Укрепление сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к вестороннему развитию... С. 91–94.
12. Allison R. Regionalism, Regional Structure and Security Management in Central Asia // Intern. Affairs (Royal Institute of Intern. Affairs 1944). Vol. 80, № 3. Regionalism and the Changing Intern. Order in Central Eurasia (May, 2004). P. 463–483.
13. Burnashev R. Regional Security in Central Asia: Military Aspects // Central Asia: a gathering storm? / ed. by B. Rumer. M. E. Sharp, Inc., 2002. P. 114–167.
14. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of Intern. Security. N. Y., 2003.
15. Buzan B., Waever O. Security: a new framework for analysis // Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 1998.
16. Central Asia Security: The New International Context / ed. By R. Allison, L. Jonson // Royal Institute of Intern. Affairs; Brookins Inst. Press, 2001.
17. Koenig-Archibugi M. Explaining Government Preferences for Institutional Change in EU Foreign and Security Policy // Intern. Organization. Vol. 58, No. 1 (Winter, 2004). P. 137–174.
18. Regional security and the Future of Central Asia: the competition of Iran, Turkey and Russia. Hooman Peimani, 1998.
19. Soderblom J. D. The Eurasian Security Complex and Comprehensive Security Cooperatives. URL: www.world-ice.com/articles/Securitycomplex2.pdf.

Рукопись поступила в редакцию 26 марта 2010 г.

УДК 327.7 + 327.57 + 341.231.12 + 341.382

А. В. Хачатуров

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье освещаются вопросы взаимодействия государств в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), дается представление о перспективах данной международной организации. В отсутствие единства мнений аналитиков о деятельности и будущем ШОС она уже после первых лет своей работы получила довольно значительный авторитет в мире и имеет все шансы закрепиться на азиатском пространстве как успешный интеграционный организм.

Ключевые слова: ШОС, шанхайский дух, перспективы ШОС, сотрудничество ШОС.

В последнее время как в России, так и в других странах мира проявляется значительный интерес к Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС). Такое внимание во многом обусловлено международным авторитетом организации и ее известностью.